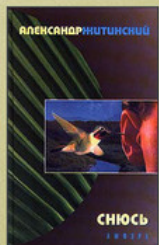

Александр Житинский

Глагол «инженер»

*Часть сборника
Снюсь (сборник)*

Александр Николаевич Житинский
Глагол «инженер»
Серия «Младший научный
сотрудник Петр Верлухин», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170928

Аннотация

«В один прекрасный день я осознал, что заканчиваю институт. Это было в начале сентября, когда нас собрали на кафедре, в лаборатории измерительной техники, и объявили, что начинается преддипломная практика...»

Содержание

Без пяти минут	4
Грузинские фамилии	10
Дверь с шифром	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глагол «инженер»

Без пяти минут

В один прекрасный день я осознал, что заканчиваю институт.

Это было в начале сентября, когда нас собрали на кафедре, в лаборатории измерительной техники, и объявили, что начинается преддипломная практика.

Все обставили очень торжественно. Принесли откуда-то доску и водрузили ее на звуковой генератор. Профессору сделали возвышение. Преподаватели стояли неровным строем, заложив руки за спину. Они испытующе смотрели на нас. А мы победоносно смотрели на них, потому что знали, что теперь поделаться с нами ничего невозможно. Они просто обязаны нас выпустить с дипломами.

Профессор вскарабкался на возвышение и сказал:

– Немного вас осталось, друзья мои...

– Вашими заботами, Юрий Тимофеевич, – пробормотал Сметанин, который сидел рядом со мной. Сметанина пытались выгнать дважды, но он каким-то чудом удержался. Вместе с ним удержались еще семнадцать человек из первоначальных двадцати пяти. Институт у нас, надо сказать, крепкий.

– Но ничего. Мал золотник, да дорог, – продолжал про-

фессор. – Я поздравляю вас с началом шестого, последнего, дипломного курса. Вы уже без пяти минут инженеры...

Я посмотрел на часы. Было десять минут первого. Следовательно, в двенадцать пятнадцать мы должны были превратиться в инженеров. Я стал ждать.

Профессор проговорил еще минут пять, и я почувствовал, что действительно что-то во мне произошло. Мне показалось, что нас собираются вывести за ворота и бросить на произвол судьбы. И книжечка диплома являлась маленьким фиговым листком, чтобы им мы могли прикрыть свою наготу.

Прошу понять меня правильно. Не фиговым, а фиговым. Это дерево такое в Греции.

Мне стало страшно. До сих пор нас вели из класса в класс, с курса на курс, и создалось впечатление, что вся жизнь разграфлена на классы до самой пенсии, и остается только в нужный момент сдать экзамен, посидеть пару ночей – и привет! Ты уже на следующей ступеньке.

Профессор в течение двадцати минут разрушил это представление.

Он сказал, что кончилось наше безмятежное счастье. Теперь оно будет трудным, мятежным и беспокойным. Если вообще будет, в чем профессор был как-то не очень уверен.

Кончилось тем, что он предложил нам выбрать темы дипломных работ, а заодно и руководителей. Каждый доцент, аспирант или ассистент выходил к доске, писал свою фами-

лию, а рядом тему. Если он находил нужным, он пояснял, что это за тема.

Первым вышел к доске Михаил Михайлович, доцент, который нам читал квантовую электронику. Он, как всегда, был в кожаном пиджаке и с усиками, которые он отпустил летом. Ходили слухи, что он невероятно талантлив, поэтому позволяет себе такие молодежные штучки. Он написал на доске десять слов, из которых понятными мне были только три: «измерение», «параметров» и «концентрация».

– Ну, это просто... – сказал он и написал еще одно название: «Теплообмен в слоистых структурах».

– А вот здесь нужна голова, – сказал он.

Голова в нашей группе была одна. Она принадлежала Славке Крылову, и все об этом прекрасно знали. Поэтому мы повернули головы, которые на самом деле таковыми не являлись, к голове Славки.

– Спасай, – прошептал Сметанин. – Мих-Миху нужна голова.

Славка почесал эту голову и безнадежно махнул рукой. Мы облегченно вздохнули.

Было только маленькое опасение, что кому-нибудь потребуется еще одна голова, которой группа не располагала. Нет, конечно, все чего-то там соображали, но настоящая светлая голова была только у Крылова. И он один это отрицал, проявляя повышенную скромность.

Постепенно доска заполнилась названиями и фамилиями.

Началось что-то вроде небольшого торга. Девочки уже менялись темами и руководителями. Охотнее всего они пошли бы к Мих-Миху в силу его элегантности, но Мих-Мих презирал умственные способности женщин, о чем неоднократно заявлял на лекциях.

Я всматривался в лица руководителей, пытаюсь найти то единственное, которое не подведет. Все лица были достаточно симпатичны. Все темы были достаточно непонятны. Я решил пустить дело на самотек.

И вдруг профессор Юрий Тимофеевич, который все еще дремал на своем возвышении, проснулся, поискал кого-то глазами и остановил взгляд на мне.

– Верлухин! Подойдите-ка сюда... Я чуть было не забыл.

Я подошел к профессору, испытывая легкое недоумение. Во-первых, было лестно и тревожно, что профессор помнит мою фамилию. Во-вторых, было непонятно, зачем я ему понадобился. Группа замерла в предвкушении.

– Не хотите ли писать дипломную работу по моей теме? – спросил профессор.

Тишина стала жуткой. Что тут ответить? Вообще, имеется ли в подобной ситуации хоть какой-нибудь выбор? Неужели профессор полагал, что я могу отказаться?

– Хочу, – пролепетал я, испытывая тягостное желание припасть к руке профессора.

– Ну вот и прекрасно, – сказал Юрий Тимофеевич, снова погружаясь в дремоту.

– А... Какая... Тема? – выдавил я совершенно бестактно.

– Что? – встрепенулся профессор. Он недовольно посмотрел на меня, поерзал на возвышении и сказал:

– Тема... Ну тема как тема!.. Не помню, какая тема! – рассердился он. – Приходите завтра, поговорим.

Я мгновенно растворился в группе, съежился, спрятался и затих. Мысли стучали во мне, как колесики в будильнике. Я не знал, как расценивать только что случившееся со мной. Требовалось мыслить твердо и логично. И я стал мыслить.

Почему именно я? Я не отличник, не именной стипендиат, не обладаю оригинальным умом, и получил у профессора на экзамене устойчивую «четверку», заработанную усидчивостью и терпением. Таким образом, творческие причины отпадали.

Мои родители не работают в торговле и сфере обслуживания. Они не занимаются распределением жилплощади, не оформляют туристические путевки за границу и не устанавливают телефоны. Отец у меня военный, а мать домохозяйка. Следовательно, профессора нельзя было обвинить и в корыстных интересах тоже.

Может быть, у него есть дочь, которой пора замуж? Но тогда я тоже не представляю интереса по причине всего вышеизложенного. Кроме того, я женат. Я женился после второго курса, у меня уже дочка. Правда, профессор может всего этого не знать.

Так что же, он меня за красивые глаза выбрал?

– Как пить дать, оставит в аспирантуре... Как пить дать! – убежденно прошептал Сметанин. – Везет же олухам!

– Сам ты олух! – сказал я.

Раздача слонов и материализация духов на этом закончилась. Все разошлись во главе с профессором, который даже на меня не посмотрел.

Группа отчужденно молчала. Я почувствовал, что меня отгородили прочной стенкой. Я был приближен к начальству по непонятным причинам, меня возвысили и навсегда лишили доверия коллектива.

Я побрел домой, чтобы рассказать обо всем жене.

«В пять минут, в пять минут можно сделать очень много...» – пел я про себя старую бодрую песенку из кинофильма «Карнавальная ночь».

Грузинские фамилии

На следующий день я пришел на кафедру и справился, где будет мое рабочее место.

Зоя Давыдовна, секретарь кафедры, повела меня по коридору. Мы прошли мимо всех лабораторий и остановились у двери с номером 347. Дверь была серая, неопрятного вида.

– Юрий Тимофеевич обещал быть к двенадцати, – сказала Зоя Давыдовна и ушла.

Я вошел в комнату. Справа стояли два пустых стола, а слева, перегораживая комнату пополам, громоздилось что-то черное, непонятное, с множеством круглых ручек. Оно было похоже на мебельную стенку производства ГДР, на которую мои родители стояли в очереди. Вся передняя панель стенки была густо усеяна рядами ручек с указателями. Внизу была узкая горизонтальная панель с кучей проводов. Я подошел к стенке и покрутил одну из ручек. Указатель защелкал, перепрыгивая с деления на деление.

– Не трожь! – сказала стенка человеческим голосом.

Я отскочил от стенки к столу и сделал вид, что раскладываю на нем бумаги.

– Выставь потенциометр на прежнее деление, – продолжала стенка ровным голосом.

Теперь я уже знал, что крутил ручку потенциометра. Но какую? Их было штук триста, и я не успел запомнить, какую

Я трогал. Я снова приблизился к стенке и начал шарить глазами по указателям.

– Ну, чего ты там? – лениво поинтересовалась стенка.

Я схватился за первую попавшуюся ручку и повернул ее против часовой стрелки. Снова раздался треск указателя.

– Ну ты, брат, даешь! – сказал тот же голос, потом за стенкой послышалось шевеление, и из-за нее вышел худой мужчина в черном свитере. Он был мрачен. Подойдя к стенке, он, почти не глядя, нашел сдвинутые мною ручки и восстановил первоначальное положение.

– Чемогуров, – сказал он, протягивая руку. – А это электроинтегратор, – представил он стенку. – Ты его больше не трогай.

– Петя... – сказал я. – Верлухин. Я буду здесь диплом писать.

– У кого? – спросил Чемогуров.

– У Юрия Тимофеевича.

Чемогуров оценивающе посмотрел на меня. Он рассмотрел мое лицо, волосы, пиджак, брюки и ботинки. Мне стало не по себе.

– Годидзе, – сказал он.

– Чего? – не понял я.

– Грузинская фамилия, – мрачно пояснил Чемогуров. – Годидзе.

– При чем тут грузинская фамилия?

– Скоро поймешь, – сказал он и стал разминать своими

длинными пальцами папиросу.

Чемогурову было лет под сорок. Он был небрит и нестрижен. Под глазами фиолетовые мешки. Свитер висел на нем, как на распялке. Было видно, что Чемогуров холост, любит выпить и пофилософствовать.

Он дунул в папиросу и закурил. Потом, еще раз взглянув на меня, ушел за электроинтегратор.

Я выбрал себе стол, застелил его листом миллиметровки, который оторвал от рулона, и прикнутил. На стол я выложил из портфеля большую толстую тетрадь, стаканчик для карандашей, стирательную резинку, три разноцветных шариковых ручки, пачку белой бумаги и угольник. Все это я разложил в идеальном порядке. Я люблю аккуратность.

После этого я сел за стол и стал ждать. Была половина двенадцатого.

За интегратором что-то тихонько запищало, потом затюкало и зашипело. Чемогуров пробормотал три слова. Первые два я не расслышал, а последнее было «мать».

Тут распахнулась дверь, и в комнату быстрым шагом вошел Мих-Мих, за которым почти бежал Славка Крылов. Мих-Мих поздоровался со мной, окинул беглым взглядом столы и воскликнул:

– Ага! Так я и предполагал. Стол еще не занят... Располагайтесь! – приказал он Славке.

Славка молча взял с моего стола лист бумаги, подошел к своему столу, написал на листе «Занято» и положил лист на

стол.

– Расположился, – сказал он.

– Вот и прекрасно, – сказал Мих-Мих. – Женя, ты не возражаешь? – крикнул он в сторону интегратора.

Чемогуров снова появился, посмотрел на Славку и пожал плечами.

– Что мне, жалко? – сказал он. – А ты, Мишка, большая скотина, – продолжал он, обращаясь к Мих-Миху.

Наш доцент сразу подобрался. Он кинул взгляд на нас, и глаза его стали непроницаемыми. Мы со Славкой сделали вид, что мы глухие от рождения.

– Ты же мне обещал заказать вэтэ семнадцатые. Я без них тут кувыркаюсь, – сказал Чемогуров.

– Ты не горячись, – сказал доцент и, обняв Чемогурова за плечи, увел его за интегратор.

– А я не горячусь, – сказал Чемогуров. – Но ты свинья.

Мих-Мих что-то ему зашептал, сначала сердитым голосом, а потом умоляющим.

– А иди ты! – проворчал Чемогуров.

Мих-Мих показался из-за стенки с наигранно-бодрой улыбкой на лице. Они с Крыловым уселись за его стол и принялись обсуждать тему диплома. При этом они то и дело хватали чистые листы из моей пачки и писали на них какие-то формулы. Мне стало жалко своей бумаги, потому что многие листы они тут же комкали и кидали в корзину. Это было обидно.

Постепенно они увлеклись и стали кричать друг на друга, пользуясь разными терминами.

– Дэ фи по дэ икс равно нулю! – кричал Мих-Мих.

– Пускай! – кричал Крылов. – А частное решение? Поток идет сюда.

– Сомневаюсь. Надо проверить.

– Да это же и так видно! – кричал Крылов.

– Вам видно, а мне не видно... Стоп! – воскликнул Мих-Мих. – Мне пора на лекцию. К следующему разу прочитайте вот это.

И он написал на листке список литературы. Потом доцент поправил галстук и ушел. Славка еще немного побегал по комнате, переваривая мысли, сел к подоконнику и застыл, уставившись на улицу.

– Нужно делать железо, – внятно произнес Чемогуров за стенкой.

Славка встрепенулся, засунул листок с литературой в карман и убежал в библиотеку. На его столе остался ворох исписанной им и доцентом бумаги. Я вздохнул, сложил листки в стопку и придвинул их на край стола.

Потом я на цыпочках подкрался к интегратору и заглянул за него. Там был закуток, заставленный приборами от пола до потолка, опутанный проводами и погруженный в синеватый канифольный дым. Чемогуров настраивал какую-то схему. На экране осциллографа стоял зеленый прямоугольный импульс. Чемогуров недовольно смотрел на импульс и

дотрагивался щупом до ножки транзистора, отчего импульс подпрыгивал.

Стена над столом была облеплена цветными проспектами с изображением цифровых вольтметров, счетных машин, лазеров и прочих штук. Проспекты были наклеены любовно, точно зарубежные красавицы.

– Вот зараза! – сказал Чмогуров и погрузил жало паяльника в канифоль. Брызнула струйка дыма, канифоль зашипела, и Чмогуров прикоснулся паяльником к ножке транзистора. Импульс на экране провалился куда-то, потом всплыл в увеличенном виде.

– Ага! – сказал Чмогуров и откинулся на спинку стула. Тут он заметил меня. – А-а... Ты еще здесь? – протянул он. – Тоже теоретик? – спросил Чмогуров сурово.

– Почему тоже? Почему теоретик? – слегка обиделся я.

– Ну, этот парнишка у Майкла будет теорией заниматься. Верно?

Я сообразил, что Майкл – это Михаил Михайлович. На всякий случай я пожал плечами.

– А ты будешь теоретизировать у шефа, – объяснил Чмогуров.

– Я еще темы не знаю, – сказал я.

– Зато я знаю, – отрезал Чмогуров и снова склонился над импульсом.

Я не успел расспросить его про тему, как в коридоре слышались голоса и щелкнул фиксатор двери. Я вышел из

закутка и увидел церемонию, происходящую в дверях. В коридоре перед дверью интеллигентно толкались три человека: Юрий Тимофеевич и два неизвестных. Они пропускали друг друга вперед. Это было удивительно красиво. Жесты их были предупредительны и настойчивы. Юрий Тимофеевич загребал незнакомцев обеими руками, а те в свою очередь пытались пропихнуть его в дверь. Жесты сопровождались соответствующими восклицаниями. Я подумал, что если они таким образом входят в каждую дверь, то уже потеряли много сил и времени.

Наконец им удалось войти. Они протиснулись все сразу, облегченно вздохнули и рассмеялись.

– Разрешите вам представить нашего молодого сотрудника, ответственного исполнителя темы Петра Николаевича Верлухина, – сказал профессор, делая в мою сторону жест раскрытой ладонью.

За интегратором у Чемогурова что-то со стуком упало на пол. А у меня внутри что-то оборвалось, когда смысл сказанных профессором слов дошел до моего сознания.

– Харахадзе, – сказал первый незнакомец, протягивая руку.

– Меглишвили, – сказал второй, делая то же самое.

Тут я их разглядел. Несомненно, это были грузины. Тот, что назвал себя Харахадзе, был высок, сед и красив той красотой, которая сводит с ума некоторых женщин. Меглишвили был покороче и потолще. Глаза у него располагались так

близко к переносице, что между ними оставалось расстояние миллиметров в пять. Оба грузина смотрели на меня чуть покровительственно.

– Прошу садиться, – сказал Юрий Тимофеевич, указывая той же ладонью на стулья.

Мы сели. Харахадзе закинул ногу на ногу и достал из кармана пачку американских сигарет. Он церемонно протянул пачку профессору, но тот сделал протестующий жест. Харахадзе перевел пачку ближе ко мне. Я вытянул сигарету и поблагодарил легким кивком. Щелкнула импортная зажигалка. Мы закурили.

– Как я вам уже говорил, Петр Николаевич, мы решили сделать вас ответственным исполнителем новой темы, – начал профессор.

Я важно кивнул, сообразив, что мое дело состоит именно в этом.

– Наши тбилисские товарищи предложили нам договор на научно-исследовательскую работу. Научное руководство темой я взял на себя, а вам предстоит провести непосредственно расчеты...

За стенкой опять что-то звякнуло, и послышались сдавленные звуки. Чемогуров веселился от души.

– Зураб Ираклиевич, я прошу вас вкратце рассказать о сути вашей работы... Так сказать, из первых рук, – с улыбкой сказал профессор.

Харахадзе затянулся, поискал, куда стряхнуть пепел, но

не нашел. Я подсунул ему листок бумаги из своей пачки. Он задумчиво стряхнул пепел и сказал:

– Ми рэжим металл...

После этого он сделал глубокую паузу, во время которой я успел правильно понять фразу.

– Ми рэжим металл, – повторил он, внезапно возбуждаясь. – Вольфрам, титан, ванадий... Ми рэжим лазером...

По-видимому, ему очень нравилось слово «режем». У него даже глаза засверкали. Из дальнейших объяснений я понял, что они «рэжут» и сваривают тонкие листы вольфрама, титана и прочих металлов для электронных приборов, которые они конструируют и изготавливают на своем опытном производстве. Точность требуется феноменальная, потому что приборы маленькие. Их интересуют тепловые процессы, поскольку при сварке лазерным лучом иногда отваливаются припаянные лепестки, выводы и еще что-то. А иногда даже лопается стекло. Короче говоря, мне нужно произвести теоретический расчет тепловых режимов при сварке, чтобы они могли определить, на каком расстоянии от спаев можно «рэзать».

К пониманию проблемы мы пришли общими усилиями в течение сорока минут.

– Ви считаете, ми платим дэньги. Ми рэжим, ви защищете диссертацию, – веско закончил Зураб Ираклиевич.

Я не стал объяснять, что еще не защитил диплома.

– Вы уж только, пожалуйста, вышлите нам техническое

задание, – попросил Юрий Тимофеевич. – Договор мы сегодня подпишем, а техническое задание...

– О чем разговор, Юрий Тимофеевич! – воскликнул Харахадзе.

Меглишвили посмотрел на часы и что-то обеспокоенно сказал по-грузински. Харахадзе погрозил ему пальцем и засмеялся.

– Ну, а теперь, друзья мои, ми обедаем. Я правильно говорю, нет? – сказал Зураб Ираклиевич.

Профессор кинул на меня быстрый взгляд. Может быть, он боялся, что я соглашусь так же естественно, как взял американскую сигарету? Но я знал чувство меры. Не хватало мне начинать работу над дипломом с обеда в компании профессора!

– Столик уже заказан, – проговорил Харахадзе игривым шепотом.

– В «Астории», – добавил Меглишвили.

Я вспомнил, что я ел на завтрак. Я ел яйца всмятку и бутерброд с колбасой. Очень хорошая еда на завтрак. Потом я подумал, что сейчас помчусь в нашу студенческую столовую, выйду чек на половинку харчо, шашлык из свинины с рисом и компот. Получится прекрасный грузинский обед на восемьдесят семь копеек. Это будет праздник.

Все это пронеслось у меня в сознании, пока профессор, опасливо косясь на меня, разводил руками и говорил, что у него дела и прочее.

Я тоже развел руками и сказал, что у меня в тринадцать пятнадцать доклад в обществе «Знание» на тему «Перспективы развития лазерной техники». Грузины посмотрели на меня с уважением, а Юрий Тимофеевич с благодарностью.

Таким образом, я отпал. Мы долго и задушевно прощались, причем Зураб Ираклиевич намекал на мой приезд в Тбилиси, где мы, мол, возьмем свое.

– Если начальство отпустит... – пошутил я, глядя на профессора.

– Непременно, непременно поедете, – сказал Юрий Тимофеевич. Это была компенсация за мой отказ от обеда.

– Где взять такси? – озабоченно спросил Меглишвили. Его явно беспокоил остывающий обед в «Астории».

Они вышли уже не так церемонно, почти по-дружески, и гул их голосов затих в коридоре.

– Интересно, могу ли я, в самом деле, съездить в Тбилиси? – подумал я вслух. – Было бы неплохо...

– Могулия! – крикнул Чемогуров за интегратором. – Грузинская фамилия... Теоретиков надо душить, – задумчиво сказал он.

Дверь с шифром

Прошла неделя, и постепенно все встало на место. Мы с Крыловым каждый день сидели за своими столами, изучая литературу. То и дело мы затевали долгие разговоры об уравнении теплопроводности и методах его решения. Во время этих разговоров из-за стенки электроинтегратора доносились комментарии Чмогурова. К двум его поговоркам, с которыми я был уже знаком, а именно:

1. Нужно делать железо;
2. Теоретиков надо душить,
прибавилось еще несколько. Например:
3. Аплодируйте ушами!
4. Эйнштейн на скрипочке играет;
5. Одним теплом сыт не будешь.

И тому подобная чушь.

Последнюю поговорку он придумал специально для нас, поскольку в наших разговорах слово «тепло» встречалось особенно часто. Тепло идет туда, тепло идет сюда... Но мы не обижались на Чмогурова. Мы уже знали его историю.

Евгений Васильевич Чмогуров был легендарной личностью. О нем рассказала нам Зоя Давыдовна, секретарь, когда мы заполняли листки с названием темы дипломной работы. Кажется, это называлось заданием на дипломное проектирование. Вообще-то, эти задания должен заполнять руко-

водитель, но мой профессор и Мих-Мих безоговорочно доверились нам с первого дня. Поэтому мы сами написали себе задания. Название темы Юрий Тимофеевич продиктовал мне по телефону. Оно звучало так: «Исследование тепловых процессов при обработке металлов лазерным лучом».

Так вот, о Чемогурове. Он учился в одной группе с Мих-Михом, и они там были корифеями. После диплома их сразу оставили в аспирантуре. Мих-Мих пошел нормальным путем, а Чемогуров окольным. Он зарылся в схемы, паял, гнул железо, собирал приборы, испытывал, ломал, переделывал и в результате ничего не написал.

Мих-Мих защитил кандидатскую, стал доцентом и сейчас уже дописывал докторскую, а Чемогуров остался старшим инженером. За это время он придумал кучу схем, каждую из которых можно было оформить в виде кандидатской диссертации, если навести на нее научный блеск. То есть не просто выдать работающую схему, а объяснить, почему она работает, обложить гарниром из формул и заключить описание в солидный переплет.

Чемогуров ничего этого принципиально не делал.

В итоге создалась странная ситуация. Его приборы работали в других организациях. За Чемогуровым охотились доктора наук, руководители лабораторий, начальники отделов крупных КБ, переманивая его к себе. А он сидел в закутке за электроинтегратором и дымил канифолью. Он остался свободным художником.

– Там у них план... – говорил Чемогуров, – Нужно делать то, что нужно. А мне хочется делать то, что хочется.

Я долго размышлял над жизненной позицией Чемогурова. Почему-то она не давала мне покоя. Если упростить его высказывание и придать ему вид формулы, то получится такая схема:

ОНИ: ЧЕМОГУРОВ:

Нужно делать, Хочется делать, что нужно. что хочется.

Поменяв местами члены, можно получить следующее:

ОНИ: ЧЕМОГУРОВ:

Нужно делать, Хочется делать, что хочется. что нужно.

То есть, если бы ИМ нужно было делать то, что хочется Чемогурову, или Чемогуров хотел бы делать то, что ИМ нужно, такая ситуация всех бы устроила. Но этого ни разу не случилось.

Впрочем, Чемогуров охотно брал отдельные заказы, когда они ему нравились, и выполнял работы по хоздоговору. Он изобретал схему, делал опытный образец и сдавал заказчику. Заказчик запускал схему в серию, Чемогуров получал премию по хоздоговору. Видимо, это его устраивало.

Как я успел заметить, Чемогурова ценили, но относились к нему осторожно. Профессор Юрий Тимофеевич его побаивался.

Мих-Мих вел себя с Чемогуровым вроде бы как со ста-

рым товарищем, но было видно, что ему это нелегко дается. Кажется, он испытывал чувство некоторой вины за то, что Чемогуров до сих пор живет незащищенным.

Один Чемогуров плевал на все взаимоотношения и субординацию.

Может быть, именно из-за Чемогурова нашу комнату редко посещали. Профессора я видел только один раз с тех пор, как мы осваивали грузинские фамилии. Мих-Мих забегал дважды и убегал прежде, чем Крылов успевал открыть рот. Поневоле мы общались только с Чемогуровым.

Мне уже не терпелось взяться за конкретные расчеты. Сдерживало отсутствие технического задания. Я пожаловался Чемогурову.

Он, как всегда, нехотя появился из-за интегратора, посмотрел на меня с тоской и медленно начал:

– Теоретиков...

– Знаю, знаю! – отмахнулся я. – Надо душить. Это уже было.

– Зачем тебе это задание?

– Ну как же! Параметры конструкций, материалы, режимы обработки, скорости движения луча... Что же, придумать, что ли?

– Вот именно, – кивнул Чемогуров.

– В чем же тогда смысл работы?

– Весь смысл твоей работы, – внушительно произнес Чемогуров, – в том, что ты получишь синенькие корочки.

– Они же договор заключили! На двадцать тысяч! – закричал я.

– Аплодируйте ушами! – сказал Чегогуров и скрылся за стенкой.

Я подождал еще неделю, изучая монографию Карслоу и Егера, а потом поймал Юрия Тимофеевича в перерыве заседания Ученого совета. Профессор непонимающе посмотрел на меня. Видимо, он не рассчитывал на скорую встречу со своим дипломантом.

Я коротко изложил ему просьбу насчет технического задания. Юрий Тимофеевич соорудил кислую мину и махнул рукой.

– Может быть, Бог с ним? – полувопросительно сказал он.

– Может быть, он и с ним, – довольно дерзко сказал я. – Но мне хотелось бы иметь техническое задание. Я не знаю, что мне считать.

– Ладно, я позвоню Зурабу Ираклиевичу... Только учтите, Петя, что вы должны полагаться больше на себя.

«Куда еще больше?» – подумал я.

Когда я рассказывал Славке о разговоре с профессором, невидимый Чегогуров подал реплику:

– Петя, ты достукаешься со своим заданием. Попомни мои слова.

Его слова я попомнил через две недели. Все это время я помогал Славке Крылову моделировать тепловой поток в слоистых структурах. Мы использовали электроинтегра-

тор. С разрешения Чемогурова. Интегратор оказался ценным прибором. Мы в упоении щелкали ручками потенциометров и снимали кривые. У меня внутри немного скребли кошки, потому что мой диплом пока был на нуле.

И вот через две недели, придя на кафедру, я увидел, что два мужика в комбинезонах обшивают дверь нашей комнаты листовым железом. Грохот стоял на весь коридор. Они посторонились и молча пропустили меня в комнату. Я уселся за стол и стал смотреть, как они работают.

Через несколько минут пришел Чемогуров, хмыкнул, снял плащ и тут же ушел. Уходя он сказал:

– Когда кончится эта самодеятельность, позвони мне. Я буду в лаборатории измерений.

Самодеятельностью занимались три дня. Чемогуров и Крылов отсутствовали. После того, как обшили дверь, стали устанавливать железные решетки на окнах. Я поинтересовался, зачем решетки на четвертом этаже. Я сказал, что мы пока не собираемся прыгать на улицу. Мужики не оценили моего юмора.

– Думаешь, нам больше всех надо? – сказал один.

Они вмазали решетки в оконный проем, наследили цементом и ушли. Железная дверь выглядела внушительно. Наружная сторона ее была украшена небольшой вертикальной планочкой с кнопками. Рядом с кнопками располагались цифры от 0 до 9. С внутренней стороны двери приделали замки.

Я стал подметать пол. За этим занятием меня застал Че-могуров.

– Поздравляю! – сказал он. – Ты своего добился.

– Почему? – не понял я.

– Ты что, ничего не знаешь? – спросил Чемогуров.

– Не знаю, – сказал я, предчувствуя что-то нехорошее.

– Сходи к Зое. Она тебя обрадует.

Я побежал к Зое Давыдовне. Она очень просто и буднично сообщила мне, что грузины прислали техническое задание. Поскольку институт у них закрытый, техническое задание пришло в Первый отдел с грифом «для служебного пользования». Первый отдел тут же распорядился обить железом дверь и поставить решетки на окна, чтобы мне было удобнее пользоваться техническим заданием.

Я даже присвистнул.

– Можете идти в Первый отдел и брать задание, – сказала Зоя Давыдовна.

Я пошел туда и сказал, что у нас теперь все в порядке в смысле дверей. Расписался в какой-то книге, взял запечатанный конверт с грифом «для служебного пользования» и пошел обратно.

Как бы там ни было, в руках у меня было техническое задание.

Наша новая железная дверь оказалась запертой. Я постучал.

– Набери трехзначный шифр. Дверь откроется, – сообщил

мне изнутри глухой голос Чегогурова.

– Какой шифр?! – крикнул я.

– Пошевели мозгами, какой! – крикнул он.

Это была месть. Я прикинул количество сочетаний из десяти элементов по три. Получилось громадное число. Я забарабанил кулаками в дверь. Чегогуров дьявольски захохотал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.